

Ономастическая образность как проблема славяно-славянского художественного перевода

Софья Андреевна Заболотная, Воронежский государственный университет
zabolotnaya.s@yandex.ru

Ключевые слова: ономастика, антропонимия, имена собственные, перевод, интерпретация, коннотация, славянские языки

Keywords: onomastics, anthroponymics, proper names, translation, interpretation, connotation, Slavic languages

Ономастические единицы художественного текста представляют собой парадоксальное явление в плане восприятия: будучи универсальны для понимания в различных языках в своём денотативном смысле, в плане коннотации (оценки, экспрессии, ассоциаций) они составляют наиболее тесно связанный с конкретной языковой и культурной средой, наиболее этноспецифический пласт лексики. Имена собственные воспринимаются как знаки, наделённые значением символов, представляющих культуру того или иного народа [Furdal 1997: 115], несущие этнокультурную информацию – и именно они, по мнению Й. Сипко, составляют тот слой языка, который при переводе выступает как базис [Сипко 1999: 132]. Имя в литературном произведении не только называет персонажа или место действия, но и маркирует эпоху, социальную составляющую создаваемого образа, содержит ряд иных скрытых смыслов: «имя того или иного персонажа несёт целый ряд коннотаций, которые могут быть поняты только при условии знания некоторых дополнительных обстоятельств» [Гюббенет 1981: 7]. Тем самым, вопрос о трудности перевода, в том числе применительно к представлению имён собственных в переводимом тексте, сводится не к его принципиальной невозможности или возможности, а к вопросу о предпосылках понимания и знания, которые требует определенный текст [Piecul 1997: 76].

Помимо общности ряда имён собственных (например, библеизмов), и их ассоциаций на всём европейском культурном пространстве (см. [Мжельская 2009: 39]), существуют общие черты, характерные для славянских именников и их восприятия. Имена, составляющие антропонимикон различных славянских народов, преимущественно заимствованы из общего источника; это традиционные имена из христианских святцев, а также народные имена со схожей во всех славянских культурах формой и семантикой. Однако в дополнение к этому имя в каждой отдельной культуре может приобретать специфическое дополнительное значение: по словам Д.Е. Факторовича, «пути рождения словесных тропов вырабатываются в зависимости как от национальных и эпохальных особенностей, так и в наибольшей степени от авторских намерений, собственно художественных принципов» [Факторович 2009: 31]. Понимание этих принципов также необходимо при восприятии имени в художественном произведении. Тем самым, употребление имён собственных в переносном значении (метафорическое, метонимическое) предстаёт не только как проблема перевода, но и как проблема интерпретации текста. Впрочем, в некоторых случаях дополнительное значение онима раскрывается непосредственно в тексте. Так, главный герой романа М. Ченгел-Солчанской «Legenda o lietajúcom Сурѓiánovi» поясняет выбор своего монашеского имени *Киприан* – *киприаном* на его родине

называют сироту: «Viete, cyprián je každá sirota v tejto zemi». Однако такое разъяснение есть далеко не во всех литературных произведениях.

Близкое родство славянских языков способно обусловить понимание в тех случаях, когда имя собственное в тексте основано на общеславянских языковых явлениях. Общность славянского лексического фона способствует сохранению образности ряда имён собственных, когда производящая по отношению к ним лексема и соответственно форма самого онима в разных языках совпадают или имеет минимальные фонетические различия: *Карась* – польск. *Karaś* – чеш. и словацк. *Karas* – серб. *Karasi*, *Сладкий* – чеш. *Sladký* – серб. и макед. *Слатки*, *Босой* – польск. *Bosy* – чеш. *Bosý* – серб. *Bosi*, и т.п.

Однако в то же время близкое языковое родство провоцирует ряд трудностей при передаче имён собственных в переводном художественном тексте. Так, точное сохранение исходного облика имени может привести к искажению в его восприятии в силу межъязыковой омонимии, возникающей в частности вследствие расхождения значений одних и тех же лексем в разных славянских языках. Кроме того, в значительном количестве случаев воспроизведённые имена собственные важны как явления фоносемантики, проявляющие себя в сфере ассоциаций читателя: «звуковая оболочка онима способна стать большим источником представления о персонаже текста, нежели происхождение имени, в особенности если при переводе проследить последнее оказывается затруднительным» – в силу этого при передаче имени собственного в тексте перевода необходимо учитывать фоносемантику данного имени в принимающем языке [Белова 2009: 56, 58]. Как отмечает переводчик-практик Г. Мирам, «слова, словосочетания и даже отдельные звуки или буквы связаны в сознании носителей языка не только с определёнными значениями, но и с определёнными ассоциациями, и передать их в переводе, по-видимому, вообще невозможно» [Мирам 1999: 64]. При передаче имени собственного в тексте перевода необходимо учитывать фоносемантическое значение данного имени в принимающем языке, причем на практике это представляется возможным не столько в экспериментальном порядке, сколько путем анализа существующей ономастической традиции и общего лексического и ономастического фона данного языка и культуры.

Даже этимологически эквивалентные онимы способны при введении в переводной текст путём транскрипции претерпевать в своей семантической структуре деформации и приобретать приращения (термины Ю.Г. Беловой) за счет различия в круге ассоциаций, связанных с этими именами в исходной и принимающей культурах. Такие имена, как *Маргарита/Małgorzata/Margaréta*, *Алексей/Alexej/Алексеј* и др. в разных славянских языках имеют различную семантическую структуру за счет несовпадения коннотаций ‘свое’/‘чужое’, ‘аристократическое’/‘простонародное’, ‘распространенное’/‘редкое’: польск. *Małgorzata* – ‘распространенное’, рус. *Маргарита* – ‘редкое’; рус. *Алексей* – ‘свое’, ‘распространенное’, ‘простое’, болг. *Алексей* – ‘чужое’, ‘русский’ («этнокультурный русизм» по определению Й. Сипко [Сипко 1999: 35]), и т.д. Данные ассоциации способны актуализироваться в контексте литературного произведения, оказав влияние на трактовку художественного образа: старший Турбин в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» – *Алексей* – предстаёт для болгарского читателя как архетипический русский (по классификации А. Поповича – случай стилистического усиления [Попович 1980: 103]).

При этом даже близость фонетики большей части славянских языков не предполагает фонетической адаптации (одомашнивания) имени собственного в тексте. Так, даже при максимально близком соответствии эквивалентов рус. *Елена* – чеш. и словацк. *Helena* (пример из [Straková 1994: 174]) имя героини романа «Белая гвардия» в переводах с целью сохранения ассоциативного значения ‘русская’ представлено в

точной транскрипции русского варианта, а не в виде чешского или словацкого этимологического эквивалента: чеш. *Jelena Talbergová-Turbinová*, слов. *Jelena Talbergová-Turbinová*.

Большая часть затруднений при передаче имён собственных в переводе связана с имплицитным наличием у каждого личного имени «не одной, а нескольких разнотипных ассоциаций (этимологических, мифологических, религиозных, исторических, литературных)» [Смирнов 1991: 14]. Существенные для полноценного восприятия образной системы текста коннотации имён собственных определяются в первую очередь оценочной составляющей значения, которая формируется под воздействием экстралингвистических факторов (историко-политические условия, культурная среда и т.д.), возникают как ассоциации, актуальные прежде всего в контексте определённого художественного произведения.

Подавляющее большинство смысловых несовпадений проявляется именно на уровне коннотации, когда оним оригинала передаётся в переводе буквально, но в плане семантики теряет эмоциональный компонент значения и те смысловые компоненты, которые соотносятся с фоновыми знаниями читателя: в принимающей лингвокультурной обстановке такого соотнесения не происходит. По этой причине переводчик с целью максимально адекватного воссоздания семантического наполнения имени собственного может прибегать не только и не столько к калькированию, если речь идёт о значимой фамилии или прозвище, но и к приёму смысловой замены одного онима другим или родо-видовой замены.

Замена онима, или ономастической реалии (субституция, трансформация), может расцениваться как спорный приём с точки зрения сохранения национального колорита подлинника, но ряд исследователей оценивают её как успешный ход [Legeżyńska 1986: 143-144], поскольку она представляет решение приоритетной задачи перевода литературного произведения, связанной с сохранением у читателя соответствующих ассоциаций. Кроме того, в настоящее время в качестве одного из важных требований к переводу утвердился принцип, согласно которому при замене (субституции) ономастической реалии вводимый в текст перевода оним должен принадлежать той же культуре, что и заменяемый. Так, М. Такачова, переводя роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», заменяет топоним *Соловки* на *Sibír* с тем же ассоциативным значением ‘место ссылки’, антропонимы *Панаев* и *Скабичевский* – на *Onegin* и *Oblomov* ‘имеющие отношение к классической литературе’ (см. [Заболотная 2008: 380]). В обоих случаях вводимые в текст ономастические единицы, как и заменяемые, ассоциативно относятся к России, вследствие чего замена ономастических реалий позволяет сохранить национальный колорит оригинала:

оригинал	словацкий перевод (М. Такачова)
<i>Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки!</i>	<i>Toho Kanta by za takéto dôkazy mali na jedno tri roky vyšupovať na Sibír!</i>
– Как ваша фамилия?	– <i>Vaše meno, prosím?</i>
– Панаев, – вежливо ответил тот. <...>	– <i>Oblomov, – odpovedal Koroviov</i>
– Скабичевский, – пропихнул тот, почему-то указывая на свой примус.	<i>zdvorilo.<...></i> – <i>Onegin, – zapištal Mosúr a prečo, prečo nie ukázal na svoj varič.</i>

Родо-видовую замену переводчик зачастую осуществляет в случае метонимической или метафорической номинации. Так, в переводе романа М.А. Булгакова «Белая гвардия», выполненном И. Изаковичем, читаем:

оригинал	словацкий перевод (И. Изакович)
----------	---------------------------------

Со стены на бумажки глядел в ужасе чиновник со Станиславом на шее...

Zo steny hľadá užasnuto na bankovky úradník s Radom na krku... (букв. «с орденом на шее»)

И вот, во сне, приехал Лебидь-Юрчик верхом на коне и какие-то Тушинские Воры с отмычками вскрыли тайник.

A hľa, vo sne prišiel na koni Lebid'-Jurčik a slávni zloději. (букв. «знаменитые воры») *Otvorili pakľúčmi skryšu.*

Аналогичная родо-видовая замена возможна при передаче не только онимов, но и их производных. И. Изакович пользуется приёмом родо-видовой замены для адекватного воспроизведения значения отонимных определений:

оригинал

словацкий перевод (И. Изакович)

Оно было бесподобно в сиянии своих тридцати лет, в блеске монист на царственной екатерининской шее...

Bolo nádherné a žiarilo svojimi tridsiatimi rokmi, leskom náhrdelníka na kráľovskej šiji... (букв. «на королевской шее»)

Всё в ящиках эйнемовского печенья, в клеёнке, просмолённые шва, два аршина глубины.

Všetko zabalené v škatuliach od pečiva, vo voskovom plátne, švy zaliate smolou, pol druha metra hlboko.

В первом случае заменён эпитет *екатерининская (шея)* – актуализирующаяся в нём ассоциация ‘царственный’ представлена в переводе напрямую лексемой *kráľovská*. Во втором случае отонимное определение опущено, поскольку реалия *эйнемовское печенье* непонятна для предполагаемого читателя перевода (для содержания эпизода и произведения она может представляться и не имеющей первостепенной значимости), а между тем «имена собственные подлинника могут быть безусловно сохранены в переводе только при условии, что они известны и в принимающей культуре» [Legežuyška 1986: 193]. Более того, данная реалия принадлежит к числу тех, которые в настоящее время не вполне понятны и читателю оригинала. Именно о таких реалиях, как коньяк *Шустова* или кондитерские изделия *Эйнема*, А.В. Суперанская пишет: «В каждый период существуют общеизвестные факты и реалии, с которыми могут перекликаться и реплики, и имена героев, и даже подтекст литературного произведения. Все эти факты известны современникам автора, но они уходят из общественной памяти со сменой эпох и поколений, и для правильного прочтения произведения, относящегося к прошлому, требуются порой серьёзные экстралингвистические поиски, связанные с модами той эпохи, кругом литературных произведений, политической жизнью той эпохи, известными издателями и изданиями и т.п.» [Суперанская 1973: 318]. Такой же непонятной и русскому современному читателю реалией являются метонимические отонимные названия денежных банкнот, которые, однако, даются в переводе без пояснения, в то время как аналогично образованные названия орденов переводчик сопровождает поясняющим комментарием непосредственно в тексте:

оригинал

словацкий перевод (И. Изакович)

Там же пятнадцать «катеринок», девять «петров», десять «николаев первых», три бриллиантовых кольца, брошь, Анна и два Станислава.

Je tam aj pätnásť «Katarín», deväť «Petrov», desať «Mikulášov Prvých», tri briliantové prstene, brošňa a Rady, dva svätého Stanislava, jeden svätej Anny.

(букв. «ордена: два – святого Станислава, один – святой Анны»)

Включаемый переводчиком непосредственно в текст комментариев может касаться как метонимического употребления онима, так и внутренней формы имени и предполагаемых в нём коннотаций:

оригинал	словацкий перевод (И. Изакович)
<i>Василиса глядел на свет, и Лебідь явно фальшиво просвечивал с обратной стороны.</i>	<i>Vasilisa prezeral bankovku proti svetlu, aj Lebid'ov podpis (букв. «подпись Лебидя») viditeľne falošne presvital na rube.</i>
<i>...под властью загадочной личности, которая носит такое страшное и некрасивое имя – Петлюра...</i>	<i>...za vlády záhadnej osoby, ktorá má take strašné a nepekne meno – Petľura, – dalo by sa povedať – Slučkár.</i>

Лексема *slučkár* принадлежит к сленгу охотников и толкуется как «охотник или (чаще) браконьер, который ловит добычу в силки (петлю)» (*slučka* ‘петля’). И. Изакович фактически создаёт кальку с фамилии *Петлюра*, не заменяя её, однако, онима оригинала, который называет реально существовавшую историческую личность и вследствие этого не может быть творчески переработан или опущен в переводе.

Калькирование имён собственных, то есть их перевод на морфемном уровне, – относительно распространённый (в переводах на чешский и словацкий языки – до 20-25% онимов) приём передачи элементов ономастической системы литературного произведения, который, однако, является ограниченным в применении. Переводятся в первую очередь фамилии персонажей сатирических произведений [Сипко 1999: 45], комические фамилии второстепенных и эпизодических персонажей. Между тем, авторский подтекст и экспрессия чаще бывают вложены не столько в легко переводимые прозвища, сколько в специфические национальные формы фамилий и личных имён. Их культурный и социальный смысл, воспринимаемый читателем оригинала на подсознательном уровне, вряд ли будет понят иноязычным читателем. Т.Г. Тодоров пишет: «Если при переводе художественного произведения можно в большей или меньшей степени добиться адекватной передачи национально окрашенных антропонимов, то передача их социальной маркировки почти невозможна. Социальная информация, содержащаяся в имени собственном, закодирована в нём имплицитно. Её может выявить только человек, знакомый с русской действительностью, имеющий необходимый запас фоновых знаний» [Тодоров 1995: 86]. Действительно, для иностранцев, даже принадлежащим к родственному по отношению к русским народу, имена *Нюра, Дуся, Груня, Боба* будут экзотическими, и только, как и упоминание топонимов *Соловки, Божедомка, Лианозов* не может быть вполне понятно без определённых фоновых знаний. В свою очередь, для русского читателя будет таким же недоступным аналогичное ассоциативное наполнение онимов даже в близкородственных языках.

Однако в тех случаях, когда имена собственные в литературном произведении наделены прозрачной внутренней формой, значение которой существенно для восприятия художественного образа, удачные случаи создания переводчиком кальки с такого имени являются большим преимуществом перевода; чем больше таких примеров в тексте, тем точнее переводчику удаётся воссоздать ассоциативные связи, присутствующие в тексте оригинала, или же по крайней мере создать их аналоги. Важно, что исследователи говорят о «невозможности одновременного сохранения назывного и предметно-логического значений слов разносистемных языков», однако делают оговорку относительно языков, которые исторически развились из одного корня и имеют тождественную этимологию [Автеньева, Бакастова 1988: 166]. Тем

самым, при смысловом переводе онимов на близкородственные языки опасность расхождения семантики и/или национального колорита сравнительно ниже, чем в прочих случаях, благодаря сходству фонетического, отчасти словообразовательного строя и некоторой, хотя и относительной, общности культурных ассоциаций.

Путём калькирования передаются топонимы, как правило, функционирующие и за пределами текста художественного произведения и обладающие относительно слабой образностью. Так, в переводах булгаковских романов представлены кальки с отдельных топонимов с наиболее ясной этимологией:

оригинал	польский	чешский	словацкий
<i>Красный Трактир</i>	<i>Czerwona Karczma</i>	<i>Červená Hospoda</i>	<i>Červená krčma</i>
<i>Воробьёвы горы</i>	<i>Worobiowe Góry</i>	<i>Vrabčí hory</i>	<i>Vrabčie vršky</i>
<i>Долина Дев</i>	<i>Dolina Dziewic</i>	<i>Dívčé údolí</i>	<i>Údolie panien</i>
<i>Нижний Город</i>	<i>Dolne Miasto</i>	<i>Dolné Město</i>	<i>Dolné Mesto</i>
<i>Чёртова кафедра</i>	–	<i>Čertův stolec</i>	<i>certov stolec</i>

Однако и среди подобных случаев встречаются переводческие неточности или курьёзы. Так, Л. Дворжак, восприняв другое значение слова *кафедра* в русском языке, передаёт топоним *Чёртова кафедра* как *Dáblova akademie*.

Переведена может быть отонимная составляющая наименования реалии: *георгиевская лента* в переводе романа «Белая гвардия» передана И. Изаковичем как *Jurajová stužka*:

оригинал	словацкий перевод
<i>Георгиевские потёртые ленты свешивались с тусклой медной трубы.</i>	<i>Vyblednuté Jurajove stuhy viseli z matnej medenej trúby.</i>
<i>...и жаль, что крестов теперь не дают, а то непременно с крестом на груди и георгиевской лентой.</i>	<i>Škoda, že už neudelujú kríže, inak by mal určite na hrudi kríž s Jurajovou stužkou.</i>

Между тем, производное от этого названия и зачастую смешиваемое с ним в русском речевом обиходе обозначение современного символа воинской славы *георгиевская ленточка* в словацком языке частично транскрибируется и тем самым звучит как *georgievská stužka*, что позволяет разграничить две различные реалии.

Онимы, переданные при помощи смыслового перевода – как правило, это вымышленные автором личные имена с высокой степенью образности, – могут опираться скорее на ассоциации с образом персонажа и звуковой стороной оригинального варианта, нежели на точное лексическое значение основы. В переводе романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на чешский язык, выполненном А. Моравковой, фамилия *Поприхин* выглядит как *Poskokin* (*poskok* чеш. ‘прыжок’, в переносном значении ‘мальчик на побегушках’), очевидно, в силу созвучия с корнем -*прыг-*. Однако это не только не искажает, но и, напротив, комически заостряет характеристику эпизодического героя. Так же ассоциативно переведены фамилии *Рюхин* – *Sviňkov* (*svině* ‘свинья’), *Непременова* – *Semetriková* (*semetrika* ‘ведьма’), *Буздяк* – *Skandalinová* (*skandál* ‘скандал’; видимо, по ассоциации со словами *буза*, *бузить*). Практически дословно передается прозвище центуриона *Марка Крысобоя*: словацк. *Potkanobijca*, чеш. *Krysobijce*; более вольный вариант перевода представлен в польском

переводе И. Левандовской, В. Домбровского: *Marek*, (zvany takže) *Szczurcza Śmierć*. Даже замена одной буквы способна наделять оним новой внутренней формой, более яркой: в переводе того же романа, выполненном Л. Дворжаком, *Канавкин* назван *Kanalkin*, *Петраков-Суховой* – *Petrarkov-Suchopár* (вместо предполагаемого *Petrakov*), что подразумевает пародийное сравнение литератора-посредственности с Франческо Петраркой.

В большинстве случаев переведён и зооним *Тузбубен*: польск. *Askaro*, чеш. *Trumf* ‘kozyрь’, словацк *Adut* ‘kozyрь’; Л. Дворжак предлагает вариант *Žolík* ‘джокер’. Однако даже в случаях удачного воспроизведения имени во многих случаях независимо от воли переводчика происходит утрата ряда культурных ассоциаций. Можно легко предположить, что иностранный читатель не знает ни о собаке-ищейке Треф, которая в своё время использовалась для розыска В.И. Ульянова-Ленина, ни о бубновом тузе как отличительном знаке каторжников, и тогда кличка *Тузбубен* или (в чешском и словацком вариантах) *Козырь* становится случайной. Впрочем, подобное сокращение ассоциативного ряда при прочтении произведения в ином культурном контексте, очевидно, оказывается неизбежным; более того, под сомнение может быть поставлена сама необходимость передавать все без исключения скрытые исторические и этимологические детали текста подлинника [Сипко 1999: 46].

Некоторые имена собственные в переводе оказываются наделены более ясной внутренней формой, нежели в оригинальном варианте: комическая фамилия *Шпичкин*, транскрибированная А. Моравковой и М. Такачовой (*Špičkin*), обретает в чешском и словацком текстах более ясную этимологию, чем в русском (чеш., словацк. *špička* ‘острие’, ‘пик’, ‘верхушка’).

Кроме того, в ряде случаев у имени собственного в переводе способна возникнуть новая коннотация. Так, нейтральной в плане оценочного наполнения фамилии героя романа «Белая гвардия» *Най-Турс* в переводах соответствует словацк. *Naj-Turs*, а употребляемой автором применительно к тому же персонажу усечённой форме *Най* – транскрибированное *Naj*. Между тем, в словацком языке *naj-* не только выступает как префикс превосходной степени, но и лексикализуется в значении ‘превосходное, наилучшее’ (ср. *Všetko naj!* ‘всего самого [хорошего]!’). Ассоциативное восприятие имени читателем в этом случае однозначно. Возможно, по этой причине И. Изакович стремится чаще по сравнению с оригиналом представить оним без усечения:

оригинал	словацкий перевод
– <i>Выступаем сейчас, – лаконически ответил Най <...>.</i>	– <i>Odhadzáme okamžite do boja, – odpovedal Naj-Turs lakonicky <...>.</i>
– <i>Я сейчас лягу, – сказал Най, – а вы меня газбудите через три часа.</i>	– <i>Pôjdem si ľahnúť, – povedal mi Naj-Turs, – zobudíte ma o trhi hodiny.</i>
<i>С этого рассвета до трех часов дня Най находился на Политехнической стреле <...>.</i>	<i>Od úsvitu až do tretej popoludní Naj-Turs zostal na Polytechnickej výpadovke <...>.</i>

Стоит отметить, однако, что в данном случае прояснившаяся коннотация не вступает в противоречие с авторским замыслом. В противном случае оним потребовал бы по меньшей мере минимальных искусственных фонетических изменений.

Кроме того, в тексте перевода могут появляться онимы и их производные, связанные с узусом принимающего языка – это характерная для чешского и словацкого языка божба: *Ježíšmarjá* (из *Ježíš* и *Maria*), *pro rány Kristovy* и т.п. Введение в текст

перевода подобных форм, по сути междометных, обусловлено стремлением переводчика не столько к образности, сколько к соответствующей контексту экспрессии:

оригинал	чешский перевод (Л. Дворжак)
– Покайся, Иваныч! Тебе скидка выйдем!	"Ježíšmarjá přiznej se, Ivanuči. Ať máš aspoň ňákou polehčující okolnost!"
Догадайся, что со мною случилась беда...	Pro rány Kristovy, uvědom si, že je se mnou zle...

Таким образом, примеры передачи образного наполнения имён собственных доказывают, что приоритетом для перевода остаётся сохранение имеющейся у большинства онимов в художественном тексте коннотации (*Соловки* – словацк. *Sibír*), передача основных, ключевых ассоциаций. Так, чеш. *Markétka* (при некоторой искусственности формы *Markéta Nikolajevna*), как и словацк. *Margaréta* и польск. *Malgorzata*, отсылает именно к традиции перевода «Фауста» И.В. Гёте. (Однако в переводах того же романа на южнославянские языки имя *Margarita* не содержит прямой отсылки к имени гётевской героини, которая в южнославянской традиции известна как *Грета*.) В отдельных случаях даже при переводе на близкородственный язык экстралингвистические факторы, связанные с тем или иным онимом или кругом онимов, не оставляют возможности сохранения его ассоциативного содержания. Поэтому представляется необходимым включение переводчиком в текст системы тщательно продуманных пояснений.

В ряде случаев у имени собственного в переводе возникает новая коннотация (*Най-Турс* – *naj* ‘самый’, ‘наилучший’). Такие прояснения или, напротив, искажения внутренней формы и соответственно образного наполнения онима, включая ложные семантические сближения, возникающие вследствие близкого родства языков оригинала и перевода, могут быть более или менее релевантным для читательского восприятия художественного образа.

Литература

- БЕЛОВА Ю.Г. Семантические приращения при переводе «говорящих» имён собственных // Вестник Череповецкого государственного университета: Социально-гуманитарные и технические науки. Череповец, 2004. С. 55-58.
- ГЮББЕНЕТ И.В. К проблеме понимания литературно-художественного текста. М., 1981.
- ЗАБОЛОТНАЯ С.А. Ономастическая система романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» в переводе на словацкий язык // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 2008. Вып. 29, ч. 2. С. 377-384.
- МЖЕЛЬСКАЯ О.К. Влияние языковой картины мира на концептуализацию заимствованных имен собственных // Вестник ИГЛУ. 2009. №1. С.37-44.
- МИРАМ Г.Э. Профессия: переводчик. Киев, 1999.
- НЕКРАСОВ Н.А. «Переводы из Мицкевича» Н. Берга // Полное собрание сочинений и писем. М., 1950. Т. 9. С. 432-443.
- ПОПОВИЧ А. Проблемы художественного перевода. М., 1980.
- СИПКО Й. Этнокультурный базис русско-словацких переводов. Prešov, 1999.
- СМИРНОВ О.К. Имена собственные в художественной литературе и специфика их перевода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1991.
- СУПЕРАНСКАЯ А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973. Факторович Д.Е. Основы теории художественного перевода. Минск, 2009.

- ТОДОРОВ Т.Г. Особенности антропонимической системы романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и её передача в болгарском и английском переводах романа // Русский язык за рубежом. 1995. № 2-3. С. 84-87.
- ČENĚEL SOLČANSKÁ M. Legenda o lietajúcom Cypriánovi. Bratislava, 2010.
- FURDAL A. Geonimy w polskim przekładzie «Czasu kobiet» Cristiana Krockowa // Onomastyka i dialektologia. Warszawa, 1997. S. 113-117.
- LEGEŹYŃSKA A. Tłumacz i jego kompetencje autorskie. Warszawa, 1986.
- PIECUL E. Personennamen in der deutsch-polnischen Übersetzung als Teil der Problematik der Magisterarbeit «Übersetzbarkeit im Bereich der Personennamen» // Glottodidactica. Vol. XXV. 1997. S. 73-86.
- STRAKOVÁ V. Překládání a vlastní jména // Překládání a čeština. Praha, 1994. S. 172-176.

Источники

- BULGAKOV M. Mistr a Markétka / [Přeložila Alena Morávková]. Praha, 2002.
- BULGAKOV M. Mistr a Markétka / [Přeložil Libor Dvořák]. Praha, 2005.
- BULGAKOV, M. Majster a Margaréta / [Preklad: Magda Takáčová]. Bratislava, 2002.
- BUŁHAKOW M. Mistrz i Malgorzata / Przeł. I. Lewandowska, W. Dabrowski. Warszawa, 1998.
- BUŁHAKOW M. Biała gwardia / Przełożyli: I. Lewandowska, W. Dąbrowski. Warszawa, 1972.
- BULGAKOV M. Biela garda / Preložil a doslov napísal I. Izakovič. Bratislava, 1987.
- BULGAKOV M. Bílá garda / Přeložila A. Morávková. Praha, 1989.

Summary

The article illustrates a problem of transmitting figurative meanings and connotations of proper names in translations of belles-lettres from Slavic to other Slavic languages on examples taken from the works of M.A. Bulgakov. The common Slavic lexical background can make the transmission easier but the interlingual homonymy and some other factors can bring to distortion of meaning. Meanwhile, the main demand to the translation is maintaining the connotations given by the author. The article gives examples of the ways the translator is able to arrange it.